

праведника не производит никакого впечатления или влияния и не порождает себя в том, чей отец — единственно Бог. Посему человек должен весьма потрудиться, чтобы отречься ему от себя самого и всей твари и дабы не ведать ему другого отца кроме единого Бога. Тогда ничто не сумеет его опечалить и удручить: ни Бог, ни создание, ни сотворенное, ни нетварное; и все его существо, житие, постижение, знание и обожание — из Бога и в Боге и Бог.

Есть и другое, что надобно знать и что человека утешит в любой его скорби. Это когда праведный и благой человек без всяких сомнений несоизмеримо, даже несказанно больше радуется деяниям праведности в сравнении с тем, как он, или сам верховный ангел, ощущает блаженство и счастье от своего природного бытия и своей жизни. Потому-то святые с радостью отдавали свои жизни за правду.

Итак, я говорю: если с благим и праведным человеком приключится внешняя напасть, а он в равнодушии и покое своего сердца останется недвижим, тогда подтвердится то, что я сказал, что праведника ничто не ввергнет в уныние, что бы с ним ни случилось. Однако если окажется, что он озабочен из-за внешней напасти, то будет, воистину, справедливым и правильным, что Бог попустил, дабы напасть с тем приключилась, кто хотел быть и мнил себя праведным, хотя ничтожные вещи смогли его озаботить. Но ведь таково как-никак право Божие; посему пусть человек не убивается из-за этого, но радуется этому много больше, чем своей собственной жизни, которая, впрочем, каждому человеку все же милей и дороже, чем весь этот мир: ибо какая польза была бы от мира, если бы не было человека?

Третье слово, которое можно, а равно следует знать, заключается в том, что, согласно естественной правде, один только Бог — источник и русло для всякого блага, сущностной истины и отрады. И все, что не есть Бог, то из себя источает природную горечь, печаль и страдание и к благодати, каковая от Бога исходит и является Богом, нисколько не прибавляет, но умаляет ее и покрывает и прячет ту сладость, негу и радость, которую дарует Бог.

И вот я говорю дальше, что всякое страдание проистекает из страсти к тому, чего меня лишила утрата. Если утрата внешних вещей мне приносит страдание, то это верный признак того, что я люблю внешние вещи и люблю, по правде сказать, скорбь и печаль. — Что же странного в том, что становлюсь я печален, когда я люблю и ищу страдание и горе? Мое сердце и моя любовь приписывает творению благо, а оно является достоянием Бога. Я обращаюсь к творению, от которого по природе исходит страдание, и устремляюсь от Бога, от Которого изливается всякая радость. Что же тогда удивляться тому, что я становлюсь скорбным и пребываю унылым? Подлинно, для Бога и для всего мира сие невозможно, чтобы истинную отраду обрел человек, ищущий отраду в творениях. Но кто одного только Бога возлюбит в творении, а творение — лишь в Боге, тот повсюду обретет истинную, верную и равную радость. Сказанного достаточно для первой части сей книги.

II

А теперь в другой части следуют примерно тридцать отрывков, каждый из которых сам по себе надлежащим образом должен утешить разумного человека в его скорби.

Вот первый: нет несчастья и утраты без радости, и никакая утрата не бывает только утратой. Поэтому говорит святой Павел, что не потерпит Божья верность и благодать, чтобы какое-нибудь испытание или мучение стало невыносимым. Бог творит и подает во всякое время какую-то радость, а с ней можно кое-как перебиться⁸⁷⁸. Также угодники и языческие учителя